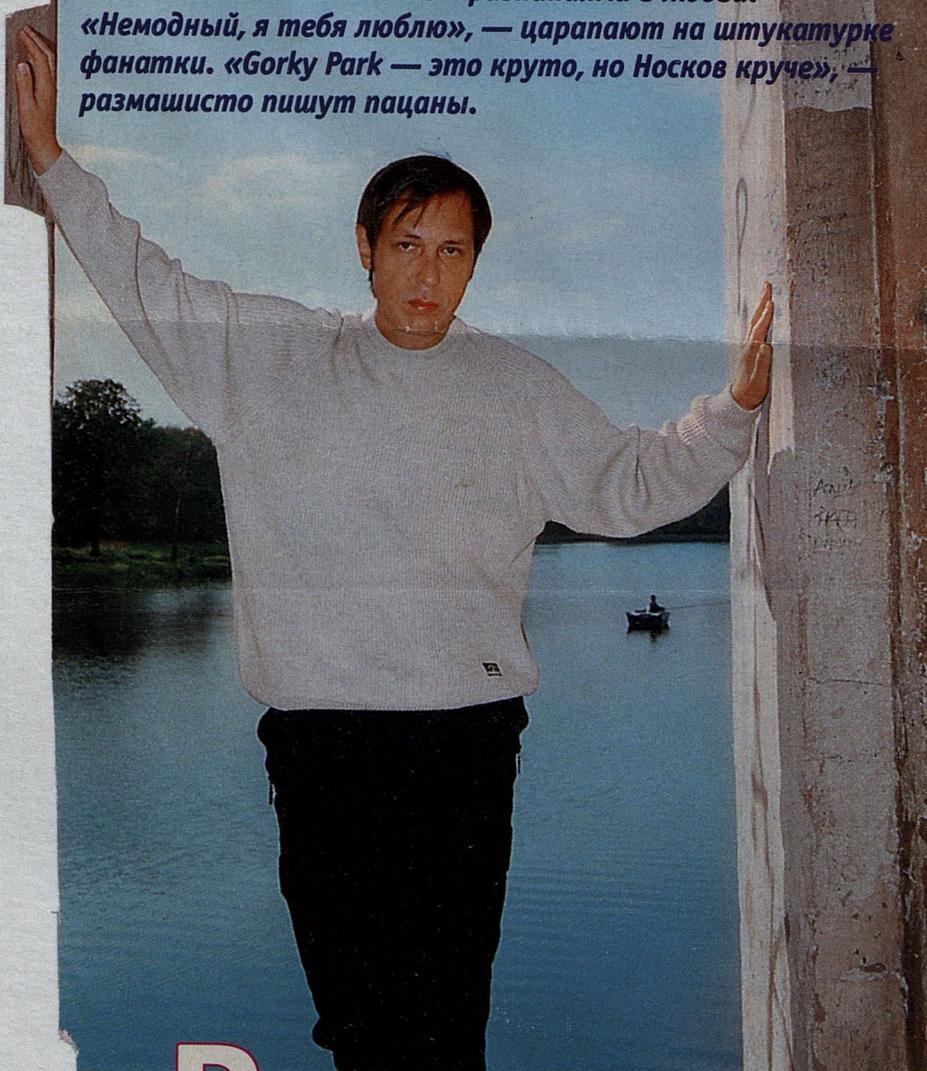

Жизнь без «Парка»

В конце восьмидесятых он уехал из России покорять Америку. А покорив, вернулся обратно. Вскоре потянулась на родину и большая часть других участников группы Gorky Park. Какое-то время они пробовали выступить за океаном без своего вокалиста и композитора, но многие считают, что с уходом Носкова эпоха «Парка Горького» закончилась. Тогда же, в 91-м, когда Николай вернулся домой, немногие верили, что в одиночку он сможет добиться в нашей стране успеха, хотя бы отчасти сравнимого с американским. Но сегодня стены подъезда в его доме вновь исписаны признаниями в любви. «Немодный, я тебя люблю», — царапают на штукатурке фанатки. «Gorky Park — это круто, но Носков круче», — размашисто пишут пацаны.

У меня было ощущение, что я попал в каменный век. Пришел в себя только где-то через год. А когда решил, что пора собирать группу, то обнаружил, что все мои знакомые музыканты уже давно не играют. Они владеют коммерческими ларьками, торгуют водкой или колбасой, перегоняют машины из Европы...

— Они не предлагали и вам открыть ларек? Для начала, чтобы встать на ноги. А когда-нибудь потом уже заниматься музыкой...

— Предлагали, но... В этом смысле я человек совершенно неинтересный: по жизни — музыкант. На рынке не торговал, дворником не работал. Уйти из музыки на время нельзя. Даже с самыми благими порывами: мол, немного пережду, а вот потом... Сейчас многие из тех людей, занявшихся в трудный момент коммерцией, недоумевают при встрече: «Что же я тогда дуркой занялся, лучше бы потерпел, перебил как-то, но играть бы не бросил». Они уже не могут вернуться к музыке. Бизнес накладывает определенный отпечаток.

— Насколько я знаю, то, чего боялись они, вы прошли по полной программе, то есть вам действительно пришлось перебиваться...

— Слава богу, были настоящие друзья, которые помогли, одолжили денег. Благодаря им я выжил, потом смог снять студию, купить аппаратуру, начал работать. Этих людей я из альбома в альбом не перестаю благодарить. Ведь тогда, наверное, был самый

тяжелый период в моей жизни. После взлета в Америке вернуться домой с одиннадцатью долларами в кармане! Мы должны были зарабатывать там весьма прилично, даже по американским меркам, но в итоге обещанных по контракту денег нам так и не заплатили. Да еще дочь родилась... Жуть! Поначалу, когда я только приехал, собралась толпа знакомых, все охали и ахали, слушая мои рассказы. Через неделю гостей в доме стало меньше. А потом и вовсе почти никого не осталось. Я их прекрасно понимаю и не обижаюсь на них. Одни тогда действительно не могли ничем мне помочь, другие просто потеряли интерес, ведь я уже не был звездой, третьи занимались своими проблемами. Это жизнь. Потом, когда снова стал выступать, и успешно, часть этих людей вернулась, начала звонить мне, ходить на концерты.

— Не пожалели тогда, в 1991-м, что не остались в Америке?

— Нет. Я почти с самого начала там очень сильно скучал, наверное, больше всех из группы. Порой даже напивался чуть ли не до потери сознания. Редко, но было. А когда через год ко мне приехала жена, стало легче. Это был очень интересный период, с одной стороны, очень звездный, с другой — жутко сентиментальный и даже какой-то болезненный. Америка очень многое перевернула в жизни, многое поломала.

— Неужели у вас никогда не возникало тайной мысли остаться там навсегда, ведь все так удачно складывалось?

— Поначалу, когда пошел сумасшедший успех, казалось, что мы там надолго. Но чтобы навсегда — таких мыслей не было. Американцем себя никогда не ощущал и даже не пытался им стать, несмотря на то, что месяца через три уже начал говорить по-английски с американским акцентом. Хотя возможность остаться была. Ребенка мы, можно сказать, зачали именно в Америке. Умные люди подсказывали, что если жена там и родит, то у дочки будет американское гражданство. Но я не мог понять, зачем это нужно. Моя же-

В 91-м вы покинули «Парк Горького», а вместе с ним и процветающую Америку, и вернулись в Россию. Какие чувства вы испытывали, ступив на родную землю?

— Шок. Полумертвые деревья по дороге из Шереметьево, воздух, которым нельзя дышать. А когда я включил телевизор, то просто онемел. Как от того, что показывали в выпусках новостей, так и от того, что творилось на нашей сцене.

15 Парк. — 2000. — 32 эк. — С 56-58

Ну что, проверим наши чувства разлукой?
(перед отъездом в США)

Мимо тещино дома
я без песен не ходил...

посветили своей первой любви, но не супруге. Кому же, если не секрет?

— Это скорее собирательный образ, в котором воплотились мои самые яркие мальчишеские переживания.

на — русская девушка, и дочка тоже должна была родиться в России. Это мы с Мариной решили не обсуждая. Именно рождение Кати было главной причиной того, что я решил вернуться обратно.

— Друзья-американцы у вас остались?

— Нет. Американцы, они такие: у тебя успех — они друзья, нет успеха — и их нет.

— Вы как-то сказали, что свою песню «Я тебя люблю»

Так сказать, воспоминания о моей доармейской бурной молодости. Большое и светлое пришло потом, уже после службы. Вообще, перед армией начинается какое-то буйство. Возникает такое ощущение, что все в жизни в последний раз, и ты пытаешься все успеть. Как меня провожали в армию! О-о-о! Два дня утара!

— Музыканты нередко считают своим долгом откосить

гремел в армию. Это были потерянные два года.

— А девушки письма в армию писали?

— Сразу две. Когда я ушел в армию, одна вскоре вышла замуж за другого, а вторая ждала. Но у нас все равно ничего не получилось.

— Потому что в вашей жизни неожиданно появилось большое и светлое?

— Ну это не сразу. Прошло еще года два. Наши глаза встретились и... Это было необъяснимое чувство. Раньше, когда я встречался с девушкой, мне хотелось общаться, о чем-то говорить, а здесь все было по-другому. Можно было весь вечер молчать и при этом прекрасно понимать друг друга.

— А девушке тоже нравилось сидеть и молчать?

— До сих пор нравится. Уже двадцать лет мы таким образом счастливы.

— На момент знакомства Марина уже знала, что вы музыкант?

— А как иначе, если она была в зале, а я на сцене?! И началось — я простаивал у подъезда по несколько часов... Друзья все говорили: «Колян, девчонка классная, береги ее!» И я берегу. Хотя быть женой музыканта тяжело. Я сегодня прилетел, с самолета — и сразу на репетицию, потом на концерт. Домой попаду уже к ночи. Надеюсь, что попаду. Иногда я полтора-два месяца не бываю дома. Но, видимо, существует определенный тип женщин, которые готовы понимать и дожидаться таких бродяг, как мы, — музыкантов, моряков, геологов... Как они это выдерживают, я не знаю.

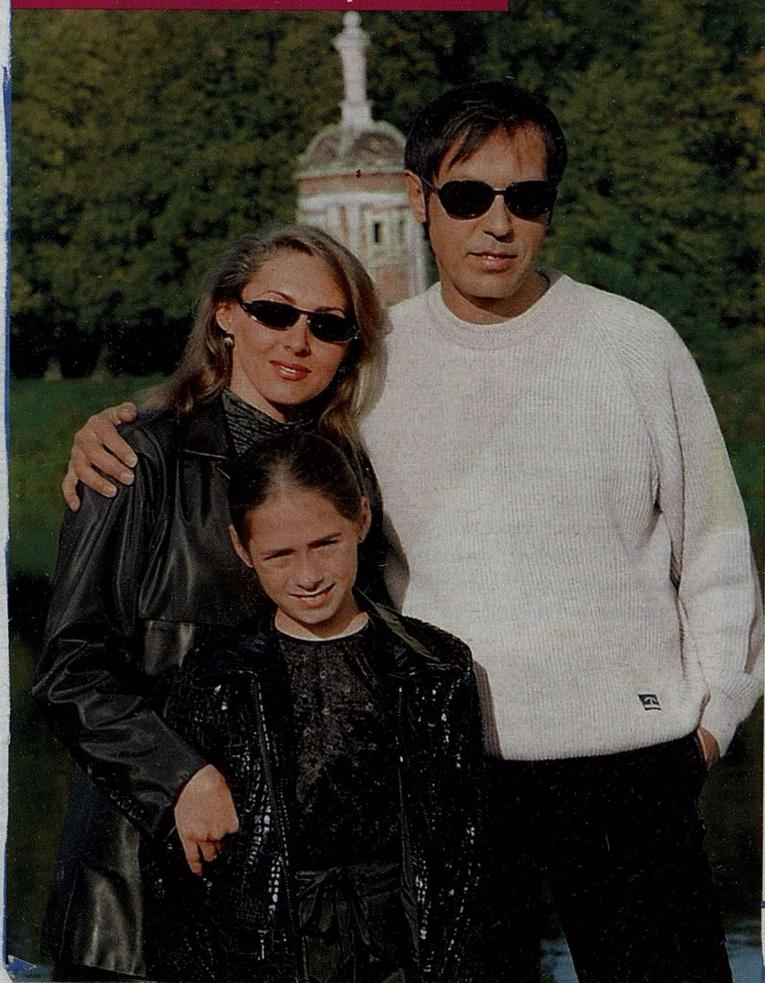
— По возвращении домой Марина вас встречает каким-то фирменным блюдом?

— А то нет?! Обычно рыбой — вареной, жареной, печеной. Перекусывать на бегу — это не для меня. Я могу целый день бегать голодным по городу и ждать возвращения домой, где меня накормят. Это ритуал. Интересно, когда мы поженились, то я и понятия не имел, что окажусь на всем готовеньком: супруга у меня и готовила, и шила. Марина окончила текстильный институт и хотела стать модельером. Но ради семьи карьеру пришлось оста-

Николай — Марине: ты рецепт этого кофе в «ТВ Парке» вычитала?

Кто бы мог подумать, что этот добропорядочный семьянин был отъявленным хулиганом?!

вить. Хотя шьет она и сейчас. Дочери, себе. Один раз, года четыре назад, спшила мне несколько льняных костюмов, даже тряпочные сандалии умудрилась сделать, пришив к подошве какие-то тесемочки...

— А ваш вклад в ведение домашнего хозяйства?

— Нулевой. Конечно, могу гвоздь вбить, полочку повесить...

— Как ваша дочка относится к тому, что ее папа — известный музыкант?

— Двойко. Я как-то зашел в школу познакомиться с директором, так просто не мог выйти из его кабинета. Весь коридор был забит пацанами, которые орали со страшной силой: «Паранойя!» — и выстраивались в очередь за автографами, подсовывая мне для росписи обложки касет с той же «Паранойей». Дочери не очень нравится повышенное внимание.

— Катя ходит в обычную школу?

— С языковым уклоном. По ее окончании она будет разговаривать

на трех языках. Это была моя идея. Когда я учился в школе, то учительница английского почему-то «любила» меня больше всех. Спрашивала на каждом уроке, а когда я однажды не выучил задание, поставила меня перед всем классом и сказала: «Знание английского тебе понадобится больше, чем кому-либо. Понял?» Я понял и с тех пор постоянно ходил с учебником английского под мышкой. Почему она так сказала, не знаю. Как в воду глядела. Впоследствии я не раз ее благодарил.

— *То есть именно той самой вредной учительнице вы отчасти обязаны вашим будущим успехом в Америке. Или все же родителям, которые говорили: «Учись, учись!»*

— Да ничего они мне особо не говорили. Они принимали нормальное участие в моем воспитании. Но никогда не давили. Я в детстве и представить не мог, что родители меня в чем-то не понимают. К примеру, когда мне было лет четырнадцать, отец поинтересовался, есть ли у меня девушка. Получив утвердительный ответ, сказал: «Ну и что ты по подвездам слоняешься? Приводи ее домой!» Я привел. Где-то через неделю привел вторую, затем — третью. И получил от него такой подзатыльник, что увидел небо в алмазах. «Я же тебе говорил — одну девушку! Ту, которая тебе действительно очень нравится!» Так что пришлось мне опять гулять с девушками по улицам или слоняться по подвездам.

— *Кстати, о прогулках. У вас есть какое-то любимое место в Москве?*

— В Москве я редко гуляю. Разве что неподалеку от дома, в парке, около метро «Водный стадион». А в центр ехать... Как тут мож-

но гулять, если везде куча народу, автомобили носятся чуть ли не по тротуарам...

— *Но, насколько я знаю, вы и сами-то не очень аккуратный водитель...*

— Да, есть такой грех. Если задумаюсь о чем-то, могу и на красный свет проскочить. А порой просто адреналин в кровь хлынет — и едешь как сумасшедший. Так что бывают мелкие аварии. Каюсь.

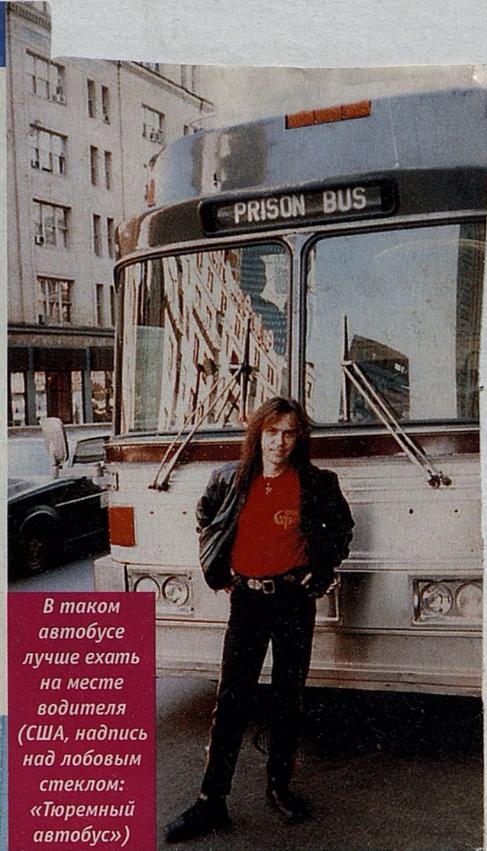
— *Самое серьезное правонарушение в вашей жизни?*

— А! Лет в четырнадцать я забрался с двумя девчонками на крышу какой-то пятиэтажки в центре. Мы выпили две бутылки портвейна, и я бегал по крыше в одних плавках и орал песни под гитару. Конечно, приехала милиция, девчонок отправили домой, а меня

как зачинщика отвезли в отделение, там еще и попугали, закинув в обезьянник с какими-то жуткими типами. Вызвали маму, и я получил положенное.

— *Этот инцидент научил вас умудрению?*

— Да вряд ли. Мы тогда отвязывались очень сильно, хулиганили, совершенно зверски дрались — двор на двор, с цепями, кастетами. Большинство из моих дворовых приятелей получили сроки за грабеж или мелкое хулиганство. Как меня не вовлекли в это, не знаю.

В таком автобусе лучше ехать на месте водителя (США, надпись над лобовым стеклом: «Тюремный автобус»)

Дочке: Катя, а на каком из трех языков ты со своей куклой разговариваешь?

Эх, нам бы в Россию — да американские дороги!

Может, потому, что уже в то время я бредил музыкой. Да, я мог выпить с друзьями портвейна, а потом мне было неинтересно, я уходил в сторонку и начинал брэнчать на гитаре.

— *Вас не утомляют юные фанатки, которые караулят у подъезда и пыhtят в телефонную трубку?*

— И пыhtят, и говорят. И звонят, и у подъезда караулят, и домой приходят. Иногда часов в девять утра. Это уже издержки профессии. А одно время где-то с интервалом в два дня звонила девушка и играла на

пианино. В конечном итоге она все-таки назвала себя и сказала: «Вы знаете, я пианистка. Мне так хотелось, чтобы вы меня послушали. Простите...»

— *А такой издержки профессии, как письма, в которых говорится, что в таком-то городе, где вы некогда были на гастролях, у вас теперь подрастает, к примеру, сын, вы избежали?*

— Такого, слава богу, пока не было... (Веселит на глазах и начинает посмеиваться. — Ред.) Ха! Не буду я об этом, ладно?

Ирина Петрова
Фото Сергея Федотова
и из архива Николая Носкова